

А. В. Старчевский
КАРАМЗИН

Адальберт Старчевский
Николай Михайлович Карамзин

Издательство «Кучково поле»

1849

УДК 929
ББК 84

Старчевский А. В.

Николай Михайлович Карамзин / А. В. Старчевский —
Издательство «Кучково поле», 1849

ISBN 978-5-9907284-1

Первая подробная биография Н. М. Карамзина, вышедшая в свет в 1849 г., была написана молодым литератором и начинающим ученым А. В. Старчевским. Основным источником исследования стали, по признанию автора, сами сочинения Карамзина, утверждавшего, что «творец всегда изображается в творении, и часто против своей воли». Для Старчевского Карамзин – образец нравственного человека и сознательного гражданина, выразившего свое кредо в письме А. И. Тургеневу такими словами: «Делайте что и как можете, только любите добро; а что есть добро – спрашивайте у совести. Быть статс-секретарем, министром или автором: все одно!» Первая биография Карамзина не утратила значения и сегодня. Современный читатель узнает из нее многое не только о самом герое, но и о том, какое место занимал он в интеллектуальной жизни поколения середины XIX в.

УДК 929
ББК 84

ISBN 978-5-9907284-1

© Старчевский А. В., 1849
© Издательство «Кучково поле», 1849

Содержание

Возвращение к читателю	6
Введение	12
Глава I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Адальберт Викентьевич Старчевский

Николай Михайлович Карамзин

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

Печатается по изданию:

Старчевский А.

Николай Михайлович Карамзин. СПб., 1849

Возвращение к читателю

Николая Михайловича Карамзина еще при жизни называли великим. Успех, признание публики пришли к нему на заре литературной деятельности. Первые же публикации молодого писателя в начале 1790-х годов в издававшемся им «Московском журнале», прежде всего, «Письма русского путешественника», сентименталистские повести «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь», стали для читающей России откровением, вызвали восторги и споры, а самого автора выдвинули в центр общественного внимания. Последующее десятилетие российской словесности прошло под звездой Карамзина. «Лиодор», «Остров Борнгольм», «Юлия», «Марфа-посадница или покорение Новагорода», «Рыцарь нашего времени» – эти, а также многочисленные другие произведения в прозе и стихах, выходившие в альманахах «Аглая», «Аониды», в сборнике «Мои безделки», в журнале «Вестник Европы» и отдельными изданиями, жадно читались и перечитывались, горячо обсуждались в обеих столицах и провинции. Карамзин был не просто модным светским писателем, пленявшим публику, особенно дам и молодежь, изысканностью стиля, увлекательными сюжетами и выразительными образами. Он воспитывал нового читателя, приобщал его духу Просвещения, открывал ему новый, почти неисследованный литературой и простирающийся далеко за пределы классического канона мир – мир искренних человеческих чувств, личных переживаний, неординарных вольных мыслей, высказанных языком современности, мир внутренней свободы, ограниченной лишь совестью и долгом. Противник политических революций, видевший залог нравственного прогресса в просвещенном самодержавии, Карамзин сам стал революционером российской словесности. Не случайно ревнители старины так яростно ополчились на него. Тем сильнее возрастала преданность сторонников обновления своему кумиру. По замечанию Ю. М. Лотмана: «Русская литература знала писателей более великих, чем Карамзин, знала более мощные таланты и более жгучие страницы, но по воздействию на читателя своей эпохи Карамзин стоит в первом ряду, по влиянию на культуру времени, в котором он действовал, он выдержит сравнение с любыми, самыми блестящими именами». Добавим, что в числе этих «блистательных имен» золотого века русской литературы – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Тургенев... Все они так или иначе восприняли творческое наследие автора «Бедной Лизы».

Даже после того как в 1803 году Карамзин неожиданно для читателей прекратил публичную литературную деятельность, о нем не забывали. Его произведения оставались по-прежнему популярны. От Карамзина ждали открытий на новом поприще – официального историографа. Выдающийся историк М. П. Погодин вспоминал, с каким благоговением он, еще гимназист, глазел на своего кумира, случайно встретив его в Оружейной палате Кремля. Выход в 1818 году первых томов «Истории государства Российского» стал подлинной сенсацией не только в культурной, но и общественно-политической жизни страны. По свидетельству А. С. Пушкина «несколько времени ни о чем ином не говорили». Труд Карамзина воспринимался как научный и патриотический подвиг. «Карамзин – это Кутузов двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в двенадцатом году» – писал позднее П. А. Вяземский, поэт, воспитанник историографа. Общеизвестно высказывание А. С. Пушкина о том, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом». Воздействие карамзинской «Истории» на формирование российского национального самосознания признавали и современники, и потомки. Лучшие русские люди нескольких поколений могли бы сказать и говорили словами Достоевского: «Я возрос на Карамзине». Те же, кто были близки к высшей власти, знали, что историографу доверяли свои мысли и чувства, к его мнению прислушивались император, царствующая семья, государственные мужи, находя в нем образец честности, прямодушия и гражданской ответственности.

Прижизненное общественное почитание Карамзина переросло после его кончины в настоящий культ, поддерживаемый к тому же официальной властью. Покушение на него воспринималось чуть ли не как святотатство и опасное вольнодумство. Любой культ предполагает составление жития объекта поклонения, а рациональное осмысление феномена требует биографического исследования. Идея жизнеописания Карамзина, казалось, витала в воздухе. Ею еще студентом грезил М. П. Погодин. После смерти Карамзина он решил взяться за этот труд, «если не вздумает сам Вяземский». Князь-поэт Петр Андреевич Вяземский действительно собирал материалы для развернутой биографии своего родственника и наставника. Карамзина надолго пережили И. И. Дмитриев, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев... Кому, как не им, близко знавшим и высоко ценившим великого современника, было подробно и основательно описать его жизнь? Но в печати появлялись лишь отдельные, не претендующие на полноту и научный анализ, статьи и воспоминания. Прошло много лет, прежде чем очевидная и актуальная идея нашла свое скромное воплощение.

Честь стать первым настоящим биографом Карамзина выпала никому почти не известному и никогда не видевшему своего героя молодому литератору и начинающему ученому, по происхождению поляку, а по вероисповеданию католику Адальберту-Вейтеху Викентьевичу Старчевскому. Сегодня это имя практически забыто. Его игнорирует большинство даже подробных энциклопедий и справочников, хотя человек этот был подлинным энциклопедистом. Современникам же он стал известен прежде всего как журналист, издатель и лингвист.

Родился А. В. Старчевский в 1818 году в селении Ивки близ городка Богуславля Киевской губернии. Его семья принадлежала к Волынскому дворянству Российской империи, а предки были шляхтичами Сандомирского воеводства Речи Посполитой. Польское восстание 1831 года и его подавление сказались на судьбе юноши. Каневское католическое училище отцов базиликан, где он учился, было закрыто. Старчевский продолжил образование в Первой киевской гимназии. В 1836 году он поступил в Университет Святого Владимира в Киеве на юридический факультет. В следующем году молодой амбициозный провинциал решил искать счастья в столице империи. Он – студент юрфака Санкт-

Петербургского университета – зарабатывает на жизнь в частном пансионе, готовя учеников к поступлению в Корпус путей сообщения. В 1840 году Старчевский совершил большое путешествие по Европе, от Любека до Неаполя, посетил раскопки Помпей, Геркуланума и Стабий. Едва вернувшись в Петербург, он принимает приглашение вновь выехать за границу, уже в качестве домашнего учителя детей русского посла в Берлине барона П. К. Мейендорфа. Место было выгодное материально и давало много времени для ученых занятий в области истории и юриспруденции. Старчевский слушает лекции в Берлинском университете, работает в библиотеках и архивах нескольких европейских стран. «Я не знал вообще ни летом, ни зимой, ни гуляний, ни театров, ни других развлечений» – вспоминал он впоследствии. Плодом этой работы стал солидный труд «Сказания иностранных писателей XVI века о России», вышедший в 1841 году на латинском языке и вобравший в себя важные источники по русской истории из европейских собраний. Этот труд удостоился одобрения великого Александра Гумбольдта, а представители Турции даже предложили автору подготовить подобную публикацию об Османской империи. По совету Мейендорфа Старчевский отказался от выгодного предложения, дабы не вызвать подозрений будто он, поляк, готов служить «и нашим, и вашим». «Сказания» заметили и в России. Автор, еще студент, был избран членом-корреспондентом Археографической комиссии, а министр народного просвещения С. С. Уваров выделил средства на издание второго тома. Успех окрылил молодого ученого, удвоил его энергию. Он выявляет в Берлинской публичной библиотеке и издает 360 портретов славянских деятелей с биографиями. Однако цензура не дала разрешение на ввоз книги в Россию. Такая же судьба постигла «Карманную книжку русских законов, необходимых знать каждому русскому», составленную Старчевским в 1842 году. За короткий срок трудолюбивый студент успел также перевести на французский

язык русский коммерческий устав, составить извлечения из российского законодательства о правах иностранцев. В Берлине Старчевский познакомился с Александром Ивановичем Тургеневым, просвещенным государственным деятелем, собирателем исторических источников, некогда членом литературного сообщества «Арзамас» и одним из близких к Карамзину людей. Они сотрудничают в составлении каталога русских и иностранных материалов по истории России из архивов и библиотек Западной Европы, который так и не был издан.

По возвращении в Петербург судьба свела Старчевского с людьми, некогда составлявшими «ближний круг» Карамзина, ревнителями его памяти. Он разбирает архив и библиотеку князя П. А. Вяземского. По просьбе поэта 26-летний полиглот Старчевский дает уроки славянских языков – польского, чешского, сербского, 30-летнему сыну покойного историографа Андрею Николаевичу Карамзину, составляет грамматику десяти славянских наречий. «Об этом времени я всегда буду вспоминать как о лучшем в моей молодости», – писал он на склоне лет. Старчевский мечтал «посвятить жизнь изучению русской истории». Но в николаевском Петербурге незнатному провинциалу-поляку без высоких связей было нелегко сделать ученую карьеру. Попытки получить место в Археографической комиссии, в Петербургской римско-католической академии, в Румянцевском музее, добиться командировки за границу для разыскания исторических рукописей потерпели неудачу. Правда, Вяземский похлопотал за молодого человека перед К. С. Сербиновичем, некогда входившим в близкое окружение Карамзина, а теперь важного чиновника, наставника, редактора «Журнала Министерства народного просвещения». Старчевский стал сотрудником этого издания «по исторической критике, славянской этнографии и филологии». Он по-прежнему много пишет. В «Финском Вестнике» появляется его работа «Литература русской истории с Нестора до Карамзина» В «Журнале Министерства народного просвещения» он публикует очерк «О заслугах, оказанных государственным канцлером Николаем Петровичем Румянцевым отечественной истории», не утративший своего научного значения и сегодня.

В 1845 году А. В. Старчевский задумывается о биографии Карамзина. Идею подали автору университетские товарищи – братья А. Н. и В. Н. Майковы. Она казалась очевидной и плодотворной. «Тогда еще ничего не было сделано для жизнеописания нашего историографа – вспоминал позднее Старчевский – “Похвальное слово Карамзину” Иванчина-Писарева и слово Погодина по поводу открытия симбирского памятника Карамзину представляли плохой материал для его биографии, в них – одни лишь бесконечные восхваления, пышные и напыщенные фразы, но фактов – никаких». Источниковая база оказалась едва ли не главной проблемой и для Старчевского. Ему были доступны лишь те немногочисленные и разрозненные материалы – письма, воспоминания, официальные документы, что публиковались в ряде периодических изданий. Не смог автор в полной мере воспользоваться и своим общением с людьми, знавшими Карамзина. Они, очевидно, не спешили доверяться молодому малоизвестному литератору не из своего круга. И, видимо, не случайны сетования Старчевского в его работе на замкнутость семейного и общественного быта в России. С Вяземским, «благородным, добрым, но злопаятным», и вовсе вышел разлад. (Тот ревниво относился к памяти своего воспитателя, сам хотел писать его подробную биографию, но так и не написал.) Тем не менее, что-то почерпнуть из рассказов родных и близких историографа, например А. Н. Карамзина, А. И. Тургенева, Старчевскому, вероятно, удалось. Основным же источником исследования стали, по признанию автора, сами сочинения Карамзина, утверждавшего: «Творец всегда изображается в творении, и часто против своей воли».

Биографический очерк потребовал нескольких месяцев напряженной работы Старчевского, и его «до того увлекла личность Карамзина, что готов был за него, как говорится, кровь проливать, так как тогда уже у него появилось много недоброжелателей в новом поколении писателей». Для автора судьба его героя – незнатного дворянина из провинции, воспитавшего самого себя на высоких началах и сумевшего столь многого достигнуть в литературе, истори-

ческой науке и в целом в служении обществу, несомненно, должна была служить вдохновляющим примером.

В своем сочинении Старчевский мимоходом замечает: «Истинно великие люди никогда не могут иметь других историй и жизнеописаний, кроме панегириков». Однако перед нами вовсе не пустое, напыщенное и несправедливое славословие, как часто понимается этот литературный жанр. Это скорее панегирик в его изначальном древнем смысле – похвала герою, основанная на реальных фактах его биографии, свидетельствующих о его качествах и заслугах перед обществом. Несмотря на неполноту источников, Старчевскому удалось, хотя и с неизбежными ошибками, восстановить хронологию жизни Карамзина, выявить основные даты, события и обстоятельства. Это позволило рассматривать личность героя в ее развитии и в историческом контексте. Вывод Старчевского о том, что «главное и самое важное значение Карамзина в русской литературе состоит в том, что он первый стал действовать вследствие убеждения, действовать сознательно», прямо перекликается с высказыванием П. Я. Чаадаева о талантливом человеке, который «сотворил себя писателем», и оценками современных исследователей, в частности, Ю. М. Лотмана.

Конечно, в первой развернутой биографии историографа есть немало пробелов, обусловленных недостатком и качеством источников, опасениями автора нанести ущерб образу героя и естественной в условиях николаевского режима самоцензурой. У Старчевского мы ничего не узнаем, например, о масонских связях Карамзина, о его взаимоотношениях с членами декабристских тайных обществ, не прочитаем такого его признания: «Не требую ни конституции, ни представителей, но по чувствам останусь республиканцем и притом верным подданным царя русского». Герой биографии предстает убежденным сторонником и пропагандистом просвещенного самодержавия. По словам Старчевского, в «Похвальном слове Екатерине II» Карамзин «истолковал русским их призвание и целыми страницами доказал своим соотечественникам, что всё, стоившее другим народам величайших жертв, приобретенное только вследствие сильных преобразований и переворотов, у нас мирно истекает от Верховной Власти. Он доказал, что равенство и свобода французов, купленные потоками крови, дарованы русским их мудрою Императрицей...» Автор биографии подмечает эволюцию взглядов Карамзина на исторический путь России. Если в «Письмах русского путешественника» решительно утверждается: «Все национальное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами», то в «Записке о древней и новой России» и «Истории государства Российского» акцент делается на историческую самобытность и народность, а преобразования Петра I подвергаются критике за радикализм и подражание Европе.

Впрочем, общественно-политических воззрений своего героя биограф касается весьма осторожно и в духе официальной доктрины. Гораздо больше его занимает Карамзин-литератор и Карамзин-историограф. «Он один сделал для России то, чего в других местах не могли бы сделать целые ученые и литературные общества, и это главная причина необыкновенной его народности», – пишет Старчевский. Подчеркивая исключительность роли Карамзина в становлении отечественной литературы и истории, биограф вольно или невольно принижает наследие предыдущих эпох. Карамзин возникает словно из ничего в пустынном и тусклом культурном пространстве. Он действует планомерно, как сознательный преобразователь – впитывает достижения просвещенной Европы, реформирует язык, делая его общепонятным, создает средство распространения новаций – журнал и «пытается написать оригинальную русскую повесть, почерпывая для нее материалы и характеры из русского быта» с задачей «освобождения русского слова от рабского подражания». Старчевский особо подчеркивает народность Карамзина, имея в виду его значение для подъема национального самосознания России. Именно в этом состоит величие и бессмертие «Истории государства Российского».

Восхищаясь своим героем, биограф вовсе не считает его творчество эталоном на все времена. Для него «Бедная Лиза» и другие карамзинские повести с их абстрактными персонажами

и обстоятельствами, с подражанием европейским образцам – важнейший, но давно пройденный этап развития русской словесности, чтение, в основном, чувствительных уездных барышень и особых поклонников писателя. Старчевский высоко оценивает Карамзина как литературно-театрального критика и публициста, но скептически отзываясь о его поэтических произведениях, считая их лишенными подлинного вдохновения. Защищая «Историю государства Российского» от расхожих упреков в отступлении от строгой научности, в «литературности», автор указывает на карамзинский труд как на основу, отправную точку для сведения современной «критико-философской истории».

Но, пожалуй, главное, что хотел и смог донести биограф до читателя – это преклонение перед личностью своего героя. Для Старчевского Карамзин – образец нравственного человека и сознательного гражданина, выразившего свое кредо в письме А. И. Тургеневу такими словами: «Делайте что и как можете, только любите добро; а что есть добро – спрашивайте у совести. Быть статс-секретарем, министром или автором: все одно!»

Первая подробная биография Карамзина не снискала лавров ее создателю. Вяземский, которому Старчевский передал с Андреем Карамзиным фрагмент рукописи, отозвался иронично-раздраженными замечаниями, в которых явно сквозила авторская ревность. А. А. Краевский, редактор либерального «Современника», в котором предполагалась публикация биографии, отверг ее, сочтя «уклончивой и недостаточно прогрессивной».

Она вышла лишь спустя два с лишним года в журнале «Библиотека для чтения». В 1849 году появилось отдельное издание. Большого отклика у публики труд Старчевского не вызвал. Карамзин воспринимался читателем 1840-х годов фигурой из прошлого, на которое настоящее искони привыкло смотреть свысока. Впоследствии, когда интерес к родоначальнику новой русской словесности и великому историографу стал расти, исследователи продвинулись значительно дальше Старчевского, но лишь немногие из них считали уместным признавать его приоритет в важных выводах и даже упоминать о нем. Первая биография Карамзина не утратила значения и сегодня. Современный читатель узнает из нее многое не только о самом герое, но и о том, какое место занимал он в интеллектуальной жизни поколения середины XIX века.

Что же касается судьбы автора, то Старчевский так и не смог в полной мере реализовать свои научные амбиции. В 1848–1853 годах под его редакцией издавался 12-томный «Справочный энциклопедический словарь», первый на русском языке, доведенный до конца. Больше преуспел Старчевский на ниве журналистики. С 1849 года он вместе с Сенковским редактирует журнал «Библиотека для чтения»; в 1856 году преобразует «Сын Отечества» в дешевую ежедневную газету с огромным по тому времени 20-тысячным тиражом, приносящую большую прибыль. Старчевский приобретает в Петербурге бывший дом архитектора Монферрана с богатыми художественными и археологическими коллекциями и даже кровать королевы Марии-Антуанетты, затем еще один – где до переезда в Москву помещался Румянцевский музей. Однако удержать богатство журналист не смог, влез в долги и роскошную движимость и недвижимость пришлось распродавать. В дальнейшем Старчевский редактировал и «Северную Пчелу», и «Современность», и «Улей», и «Эхо», и «Родину» – уже без прежнего коммерческого успеха.

Даровитый лингвист, знаток многих языков Адальберт Викентьевич стал широко известен многочисленными изданиями словарей и разговорников. Это и «Наши соседи» (44 языка), и «Переводчик-проводник по окраинам России» (26 языков), и «Кавказский толмач» (27 языков), и «Русский морской толмач во всех партах Европы, Азии и Северной Америки» (50 языков) и др. На склоне лет в журнале «Исторический Вестник» А. В. Старчевский опубликовал свои мемуары «Воспоминания старого литератора» – основной источник для его биографии. Умер Адальберт Викентьевич в 1901 году.

Сегодня своей книгой «Николай Михайлович Карамзин» он возвращается к современному читателю.

Б. В. Арсеньев

**Андрею Николаевичу КАРАМЗИНУ,
старшему сыну историографа**

посвящает автор

Изучив тщательно все вышедшее из-под пера Карамзина, спешим поделиться с читателем своими наблюдениями. Представляя картину духовной деятельности этого писателя, мы передаем здесь искреннюю исповедь его души, выражая каждую его мысль, чувство, мнение, по возможности собственными же его словами. Единственное наше желание – доставить другим то невыразимое удовольствие, которое испытывали мы сами при чтении произведений историографа.

В этом биографическом очерке читатель найдет возможно полную картину жизни Карамзина.

Мы старались излагать жизнь Карамзина так, чтобы нас понял каждый русский. Нет сомнения, что у нас будут историки, которые прольют новый свет на древнюю

Русь, дадут новый вид и колорит фактам, извлекут новые философские выводы, доставят новое наслаждение уму, но только Карамзин, один Карамзин заставил биться русское сердце при чтении его повествования о прошедшей судьбе Отечества.

Карамзин – колосс нашей литературы.

Карамзин был человек просвещенный, образованный, благонамеренный, человек редких свойств, писатель народный, патриот, и имя его всегда останется священным для неиспорченного русского сердца.

Предлагаемый труд, при всех наших усилиях не чужд и недостатков, свойственных всем делам человека; недостатки эти заметят и исправят верные стражи науки – наши *беспристрастные* критики.

А. С.

Введение

Значение литературы вообще и особенно в наше время. – Значение русской литературы. – Развитие русского общества и его раздвоение. Заботливость императрицы Екатерины II об образовании русского общества и развитии русской литературы. – Явление Карамзина; характер его деятельности; преобразование языка; влияние на общество и литературу

Литература – рукописный памятник духа – является вернейшим и полнейшим преданием народов; всемирный дух отражается в ней так же верно, как и частный народный; таким образом, она заключает в себе творческий дух в истинном его тождестве с внешним выражением, отдельную волю в ее органическом единстве с всеобщей необходимостью.

Литература есть то царство духа, где вполне выражается самостоятельная деятельность, выросшая на всеобщей разумности. С такой точки мы должны рассматривать литературу как конкретное выражение личной самостоятельности духовной жизни; таким только образом в настоящее время должно заниматься литературой вообще.

В литературе выражается юношеская сила народов, беспрестанно возобновляющаяся и развивающаяся жизнь юности... *Гутенберг* для подвижности литературы изобрел *подвижные* оттиски. Через это он отдал народу его собственность. Книгопечатание сделалось для литературы ковчегом завета, носимым по народам.

Первое и последнее назначение литературы – изображать деятельность познающего и творческого духа на ее чисто идеальной почве, и, следовательно, служить вообще верным выражением действительной народности. В таком смысле литература является тождеством идеального и реального. Оттого истина ее и важнейшее действие заключаются в необходимой связи, какую она имеет со всеми явлениями общественной жизни и с высшим нравственным выражением этой жизни – государством.

В литературе видим борьбу сокровеннейших порывов науки, но в то же время она служит и примирением различных ее направлений. Литература состоит чисто из фактов духа, которые в этом значении приобрели законное место в целом. В смысле такого примирения литература является настоящею посредницей науки. Высшая цель науки литературы – сознать духовное образование в целом его организме, и для достижения этого литература должна познать каждое явление на своем месте. Выводя из целого оправдание всех противоположностей, она изобразит вечный мир познающего и творческого духа.

В чисто положительной области литературы, о которой говорим, мы должны принять и самую науку с ее самостоятельностью. Литература есть то, что старается разрешить новейшая философия, – тождество разумной мысли с личною самостоятельностью. В литературе, на почве всей духовной жизни народа, наука стяжала полное и неоспоримое право гражданства. Наука в смысле литературы, где она преодолела всю временную вражду и борьбу с действительностью, предстает нам в полной своей гармонии, свидетельствуя о себе, что она двигательница действительности, принадлежащей вечно живому началу.

Мы уже назвали литературу внешним организмом целого мирозерцания. В этом смысле она есть замкнутое выражение такой производительности, в которой познающий дух является вместе и творческим. С нашей точки зрения, мы не можем разделять их в литературе. Наше дело – показать один и другой в том единстве и в той связи, по которым литература является истинным телом всемирной мысли, принимающей на себя образы народности. Это главнейший пункт, в котором полное ученое изложение литературы разнится от того описания истории литературы, которое видит в ней исключительно одни явления поэтически-производящего духа, собирает его дела, оценивает их эстетически, располагает в историческом порядке, и считается историей литературы по преимуществу. Литература каждого народа есть

выработанная форма духовного его образования; она принимает в себя всю сущность народности, которая должна объясняться в ней во всех отношениях.

Дух человеческий естественно должен был позаботиться об оценке всего своего прошедшего, и усиленная ученая деятельность его, увлекшая испытующий ум далеко за пределы времени и пространства, положила для всех познаний гораздо обширнейшие и прочные основания.

* * *

Изложив наше мнение о литературе вообще, скажем несколько слов о характере русской литературы и о значении в ней Карамзина.

До Карамзина в России не было литературы в том смысле, как ее понимают в новейшее время. До Петра Великого мы встречаем хронографы, летописи, духовные поучения и несколько книг духовного содержания. В них заключалась вся наша древняя грамотность, но все эти памятники не могут назваться представителями русской литературы. Кто отважится сказать, что в них выразилось наше общество, что в них выразился русский народ, со всеми его мнениями, верованиями, страстями и оттенками? Из летописей можно узнать только степень грамотности древнего нашего духовенства, которую так хорошо обрисовал Пушкин в «Борисе Годунове»; в духовных поучениях тоже выразилось наше духовенство и влияние его на народ; но из этих памятников нельзя узнать ни частной, ни общественной жизни русского народа. Со времен Петра Великого у нас начала водворяться наука; но могла ли она, построенная схоластически, проникнуть в живое общество, когда излагалась языком варварским, когда наша ученость, ограниченная тесным кружком переводчиков и нескольких учителей, жила только в своей сфере? Нам недоставало живого проводника истин науки в жизнь общественную – недоставало литературы.

Наплыв образованных иностранцев, вступавших в русскую службу, и распространение наших связей с Европой, имели следствием введение у нас французского языка, который вскоре сделался языком высшего общества, как французский покрой платья и светская утонченность маркизов сделались необходимым условием каждого благовоспитанного русского дворянина. Потому, чтобы иметь доступ к высшему кругу, нужно было прежде всего научиться по-французски.

В таком положении находилось дело литературы до императрицы Екатерины II.

Явившиеся в это время некоторые таланты не могли действовать самостоятельно, не имея твердой опоры. В какие формы они могли облачить истины науки и мораль, чтобы действовать на общество? Высший круг не нуждался в них; он имел все иностранное и пользовался им. Первые наши таланты были приведены к некоторым литературным предприятиям, рабским подражаниям французскому, совершенно инстинктивно, а не вследствие глубокого сознания необходимости.

Высший круг читал французские книги, средний нуждался в переводе того, что читал высший, но выбор наших переводчиков был большею частью не совсем удачен. Теперь спрашиваем, могли ли действовать на наш средний класс такие случайные и произвольные явления?

Императрица Екатерина II первая заметила, что в России нет ни общества, ни литературы в собственном смысле. Екатерина видела, что окружающие ее образуют круг, находящийся под влиянием французской литературы, что между высшим кругом и средним классом стояла непроницаемая стена, не допускавшая никакого обмена идей; высшее общество говорило французским языком, средний класс говорил языком народным, русским. Екатерине предстояло образовать русское общество и положить начало литературе. Чтобы достигнуть этой цели,

она обратилась к народности, стала заботиться о распространении всеобщего просвещения и поощрять дарования. Но все эти меры не вдруг могли произвести желаемый успех.

В беспредельной России просвещение не могло распространиться в несколько лет, тем более, что должно было водворяться исключительно в виде одной науки. Высший круг тоже медленно действовал на средний; наша народность пришла в столкновение с французскими понятиями, которые, превозмогая первую на половину, селились в русском обществе без представления на то своего права, и общество наше стало приближаться к европейскому, то есть подражать ему по мере возможности; так что все хорошее народное уступило место влиянию иностранному.

Поощрение талантов повело к исключительному внесению в наше общество легкой французской литературы без всякого применения ее к русскому быту. Между тем ни один из тогдашних наших литераторов не сознавал необходимости действовать самостоятельно. При таком брожении русского общества явился Карамзин. Главное и самое важное значение Карамзина в русской литературе состоит в том, что он первый стал действовать вследствие убеждения, действовать сознательно.

Запасшись предварительно необходимыми средствами для того, чтобы изучить европейское общество и иметь возможность познакомиться с его литературой, он отправился за границу. Возвратившись, он видел в каком отношении находилось наше общество по отношению к иностранному. Сделать вывод ему было нетрудно. Он нашел, что главное – необходимо иметь орган, посредством которого можно бы было проводить в общество истины науки. Этот орган – общепонятный язык, которого до него не было, чего никто не замечал, и не чувствовал его потребности. Карамзин первый понял эту потребность. После языка дело дошло до того, каким образом должно действовать на общество, так чтобы его постоянно и разнообразно подвигать вперед, дошло до главного органа литературы – до журнала, из которого общество должно вечно черпать. Имея два важные и мощные средства действовать на общество, Карамзин начал так: он хотел, чтобы русское общество испытало то же, что он испытал на себе, то есть, чтобы оно образовалось тем же путем, как образовался он сам. Поэтому, прежде всего, он начал знакомить своих соотечественников с Европою: с ее литературами и обществом; и в то же время помышлял уже о самостоятельности отечественной литературы, пытался написать оригинальную русскую повесть, черпая для нее материалы и характеры из русского быта и, более или менее, достигнул своей цели – освобождения русского слова от рабского подражания иностранным писателям. «Московский журнал», «Марфа-Посадница», «Похвальное слово Императрице Екатерине II», «Вестник Европы» доказывают, что Карамзин постоянно думал о народности. Но самым лучшим подтверждением того служит его «История государства Российского». Взяв во внимание все это, никто не станет оспаривать, что Карамзин должен считаться первым русским литератором в настоящем смысле слова. Карамзин имел неслыханное влияние на русское общество, и что предположил себе, то исполнил с необыкновенным успехом. Он один сделал для России то, чего в других местах не могли бы сделать целые ученые и литературные общества, и это главная причина необыкновенной его народности.

До Карамзина высший круг нашего общества не хотел ничего знать о зародыше русской литературы. Карамзин первый показал, что наш высший круг может читать и русские книги, которые не совсем чужды интереса, утвердил это мнение и умел поддержать его.

В семидесятих годах прошедшего столетия писал Богданович, Хемницер; Фонвизин заставлял лица своих комедий говорить по-русски; но это было только началом, довольно слабым. В то время, когда все стали чувствовать неправильность и грубость господствовавшего языка, многие из наших писателей старались преобразовать его, и удалить равным образом от языка простонародного и книжного. Желая дать другую физиономию нашей речи, Карамзин предпочел французское словосочинение немецкому, по образцу которого прежде строили

русскую речь. Главнейшими сподвижниками Карамзина на этом поприще были Муравьев и Подшивалов.

В то самое время, когда Карамзин занимался преобразованием русской прозы, Дмитриев стал писать русские стихи в эпическом роде. Правильность и отделка слога в его стихотворениях обратили на себя общее внимание.

Блистательный успех Карамзина породил множество подражателей, которые вредили ему более, нежели самые враги. Они следовали только его слабым сторонам и преувеличивали некоторые его недостатки. Русский язык наполнился странными выражениями и чуждыми оборотами. Подражатели хотели таким образом приблизиться к простому, естественному и приятному изложению Карамзина.

В это время появилась книга Шишкова: «О старом и новом слоге российского языка», в которой он сильно нападал на вредные нововведения и обнаружил смешную их сторону. Однако ж Шишков, при многих справедливых замечаниях, слишком увлекался ревностью к своему предмету, и в свою очередь сделался странным. Тогда у нас явились две литературные партии: московская, державшая сторону Карамзина, и петербургская, следовавшая Шишкову, который защищал старину и составлял новые слова взамен иностранных, получивших уже в русском языке право гражданства.

С обеих сторон спор был жаркий, тянулся долго; но впоследствии общий голос решил, что слог Карамзина основан на глубоком знании свойств русского языка, очищен со вкусом и утвержден на правилах здоровой логики. В первых сочинениях Карамзина еще встречались иностранные слова и обороты, но слог последующих его произведений был образцовым.

Труды Карамзина имели большое влияние на современников, содействовали образованию вкуса в новом поколении и положили основание русской литературе.

Глава I

Необходимость биографии Карамзина. – Важность биографии деятельных людей. – О зародыше гения и таланта. – Источники для биографии Карамзина. – Русское провинциальное общество в половине XVIII столетия. – Характер тогдашнего образования и воспитания. – Слова об этом князя П. А. Вяземского. – О роде Карамзиных. – Об отце Карамзина. – Детство Карамзина. – Роман «Рыцарь нашего времени». – Автобиографическое значение этого романа. – Карамзин в пансионе Шадена. – Профессор Шаден, его характер и влияние на Карамзина. – Карамзин посещает лекции Московского университета. – Сближение Карамзина с Новиковым и начало литературных занятий первого. – Знакомство Карамзина с Дмитриевым. – Деревянная нога. – «Детское чтение». – Письма Петрова к Карамзину. – Аркадский памятник. – Значение «Детского чтения» и влияние его на новое поколение

Прошло слишком двадцать лет с тех пор, как умер Карамзин, этот мощный двигатель нашей литературы, которому, мы, русские, обязаны образованием своего общественного языка, эстетического вкуса и началом настоящей литературы, а между тем еще не определено положительно значение этого писателя, стоявшего выше понятий своих современников, и подчинившего своему авторитету многих соотечественников, которым не чужды были интересы человечества и Родины.

Между тем, как Карамзин все более и более удаляется от нас, мы не дорожим временем, не стараемся отнять у забвения последние о нем изустные предания, изучить все частные обстоятельства его жизни, имевшие влияние на образ и цель его деятельности; тем более что еще живут друзья Карамзина и его семейство.

Что скажет о нас потомство, если мы, принадлежащие к поколению, непосредственно следовавшему за Карамзиным, если мы, ближайшие свидетели его славы, не исполним великого долга, не сохраним для дальнейшего потомства достоверных известий об этом замечательном таланте, который так лестно оценили наши монархи, и осыпали необыкновенными щедротами, не соберем материалов для биографии нашего классика? Нам скажут: гений, талант – бессмертны; история гения заключается уже в самых его произведениях. Справедливо, но создание гения, таланта бывают лучшим для него украшением только в минуту торжества писателя или художника, когда он стоит, как герой, увенчанный лаврами, и толпа рукоплещет его трофеям. Но для человечества не менее замечательно изучить и частные обстоятельства жизни писателя, имевшие влияние на его развитие. А как важно изучение жизни гениальных людей для юных талантов, избравших поприще, по которому торжественно шел известный писатель!

Отчего, смотря на дивное произведение резца Кановы, на его Венеру, мы хотели бы проникнуть в мастерскую этого роскошного гения Италии; взглянуть на куски грубого мрамора, на разбросанные инструменты и на самого художника, побеждающего трудности и улыбающегося при взгляде на свое довершенное создание, за которое художественный мир покорно поднесет лавровый венок и диплом на удивление потомства? Отчего хотелось бы нам проникнуть в тайны деятельности художника?.. Оттого, что только следя за развитием великого произведения, мы вполне можем оценить его. А как поучительно такое наблюдение для вступивших в преддверие храма искусств! Расскажите молодому живописцу подробную жизнь Тициана, дайте ему полную идею о мастерской этого гения – и пример великого мастера благотворно подействует на душу ученика. Самые таинства искусства уже не будут иметь в глазах его той, приводящей в сомнение, непостижимости, которая прежде страшила неопытные силы и связывала их развитие.

Изучать критически произведения гениальных писателей, исследовать все посторонние обстоятельства, имевшие на них влияние, значит глубоко изучать теорию и механизм самого

искусства. Для того, чтобы наука и искусство выразились в достойной их форме, необходима техника. Поэтому и самые сильные таланты всегда и везде нуждались в образцах: великие люди всегда были *великие ученики* гениев. Однако ж изучение великих произведений и великих талантов должно иметь свои пределы. Должно изучать только ближайшие причины явлений, не пускаясь в подробное исследование длинного ряда причин, которые взаимно себя обуславливают; не должно, таким образом, отыскивать зародыш гения или таланта на школьной скамье. Гений проявляется вследствие глубокого сознания причин известного рода явлений. До того он не может произвести ничего великого, потому что все великое есть произведение глубокого, совершенного ума.

Когда Шекспир ходил в школу, с сумкой, то нельзя было предполагать, что в этой детской голове скрывается зародыш драматического гения, тем более что в детстве Шекспир, может быть, и не имел случая заглянуть в театр. И для гения нужны благоприятные обстоятельства; все же остальное он довершит своими собственными средствами. Однако ж, по общепринятому обыкновению, жизнеописания всех людей, более или менее великих, всегда начинаются подробностями об их детстве, анекдотами о юношеском возрасте, и так далее. К чему ведет это? Всего лучше следить за процессом развития гения, за обстоятельствами, приготовившими его, изучая дух в направлении того общества, которое посетил этот редкий гость.

Таким образом, чтобы понять обстоятельства, приготовившие появление Карамзина, мы должны изучать состояние нашего общества в то время, когда он родился; уразуметь дух века, его любимые привычки, надежды и верования: тогда нам объяснится многое и в жизни, и в творениях изучаемого нами писателя. Без этого можем ли мы оценить каждую его мысль, каждое его действие? Имеем ли мы право руководствоваться при такой оценке отжившего писателя понятиями современными? Справедлив ли будет приговор, произнесенный над его произведениями по законам критики *безусловной*, не принимая в соображение ни времени, в которое жил Карамзин, ни степени нашей тогдашней образованности?

Приступая к биографии Карамзина, мы считаем необходимым заметить, что хотя до сих пор жизнь Карамзина не описана вполне, однако ж о нем было очень много говорено в разных периодических изданиях. Все эти материалы можно разделить на три разряда: материалы собственно биографические; статьи, в которых рассматривается его влияние на нашу литературу; рецензии его исторического труда.

Мы пользовались только материалами первого рода, не многочисленными, но достоверными. Материалы второго рода относятся большею частью к первой четверти XIX столетия, когда жил еще историограф, и писаны более или менее пристрастно. Последователи и приверженцы Карамзина превозносили все его труды, не допуская никакой критики, и все кончалось безотчетною похвалою: это служит лучшим доказательством, что Карамзин стоял выше понятий современных наших литераторов, которые только благоговели перед его творениями и не осмеливались произносить своего мнения, считая в то же время святотатством замечать погрешность этого нашего классика. Противники Карамзина были большею частью люди, чуждые основательных познаний и, руководимые завистью к нему, нападали на одни только слова, незначительные ошибки, иногда даже на знаки препинания, упустив из виду нравственную сторону произведений – необыкновенное влияние на общество, распространение эстетического направления и умение выказывать дурные стороны общежития, не вооружая против себя тех, против кого он писал. В этом случае нападки противников тоже не могут назваться критикою – это явные личности. Противники Карамзина стояли несравненно ниже в образовании и в общественном мнении, и нападки их не имели ни малейшего влияния на успех, которым пользовались все произведения историографа. Вот причины, отчего мы не можем пользоваться этим родом материалов.

Замечательнее двух первых – третий род источников, именно рецензии исторического труда Карамзина. В них виден взгляд некоторых современных литераторов (но отнюдь не уче-

ных) на «Историю государства Российского»; – мы говорим литераторов, потому что Каченовский, Арцыбашев, Полевой и некоторые другие не могут быть названы учеными в строгом смысле. Самые дельные критики¹ на огромный труд Карамзина были помещены в «Северном архиве», который издавался тогда Ф. В. Булгариным. Обо всем этом будет сказано подробнее в своем месте.

Но главным источником при оценке Карамзина как литератора и как историка будут нам служить самые его произведения – источник чистый и достоверный. Приняв за правило для критики трудов Карамзина – добросовестность и осторожность, мы, при всем том, никому не навязываем своих убеждений, а предоставляем их на усмотрение каждого образованного читателя.

Подробная критика «Истории государства Российского» не войдет в биографию Карамзина, но составит отдельное сочинение, в котором мы постараемся разобрать все возражения, сделанные Карамзину кем бы то ни было. Так, мы покажем, какие из этих мнений основательны, опровергнем замечания несправедливые и пристрастные, и потом уже выскажем свое собственное мнение об «Истории государства Российского». Мы совершенно убеждены, что исторический труд Карамзина еще долго будет служить единственным источником для разных исторических монографий, и в особенности для тех писателей, которым не доступны все исторические сокровища, находящиеся только в библиотеках и архивах обеих столиц. Однако ж великий труд Карамзина не чужд и недостатков: поэтому, желая доставить пользующимся «Историю государства Российского» возможность избегать погрешностей и содействовать критической обработке отечественной истории, мы приведем в своей *оценке* все замечания рецензентов на исторический труд Карамзина, восстанавливающие истину фактов, изложенных у историографа иной раз по недостоверным источникам, или без строгой критики.

Карамзин как литератор – явление весьма замечательное в истории нашей литературы; он составляет эпоху. Карамзин был поэт, беллетрист, критик, политик, журналист и историк.

Так как в новейшее время у нас явилось много поборников чистоты русского слова, которые готовы привязываться к каждой букве и запятой, то мы, не желая навлечь на себя их нерасположение, считаем необходимым заметить: хотя мы и назвали Карамзина поэтом, беллетристом, критиком, политиком и журналистом, однако ж из этого еще не следует, чтобы мы считали Карамзина *великим* поэтом и романистом, непогрешимым критиком, проницательным журналистом и так далее.

Не смотря на то, у нас есть много средств доказать литературные и ученые достоинства Карамзина.

Состояние нашего общества в то время, когда родился Карамзин^{1,2}, было ненормальное, но переходное. Петр Великий сделал русских европейцами по одной внешней форме; его гений не мог вдруг коснуться внутренней стороны русской жизни. Сделавшись гражданами Европы по внешнему виду, наши предки чувствовали необходимость уподобиться европейцам и по духу. Хотя нравственное перерождение России началось при Петре, но так как оно впоследствии не было поддерживаемо и питаемо зиждительным и мощным его духом, то до царствования Екатерины Второй русское общество выглядело довольно странно. В этикетке наших прадедов было много смешного. Наше провинциальное общество, к которому принадлежали родители Карамзина, сохранилось в записках современников, дающих самое полное и верное понятие о быте русского провинциального дворянства в первой половине XVIII столетия. Этот быт не заслуживает подробного описания; довольно сказать, что главные черты жизни нашего провинциального общества весьма далеко не удовлетворяли условиям общества образованного. Чтобы убедиться в справедливости этого мнения, откройте любую страницу весьма неза-

---

¹ Карамзин родился 1 декабря 1765 года, в Оренбургской губернии, в селе Михайловке (Преображенском). – *Здесь и далее примеч. автора, если не указано иное.*

тейливых «Записок» Данилова. Смесь азиатских понятий с европейскими встречалась на каждом шагу в быту наших провинциальных дворян, до самых времен царствования Екатерины Второй. Мы обращаем внимание на провинциальный дворянский быт, потому что из среды его вышел и знаменитый Карамзин, родители которого были небогатые дворяне Сибирской губернии.

Родословные известия о Карамзиных доходят до XVI столетия. Семейное предание, сохранившееся до сих пор, говорит, что предок их был татарский мурза, называвшийся Карамурза. Так, по крайней мере, рассказывал историограф своим детям о происхождении рода Карамзиных, и, вероятно, рассказывал то, что сам слышал от своего отца.

Несмотря, однако ж, на все недостатки века (первой половины XVIII столетия), и тогда были люди, отличавшиеся простотою нравов, добродушием, честностью, твердостью характера; к числу таких-то людей принадлежали родители Карамзина, что доказывается правилами их сына. Отец³ Карамзина был человек вполне нравственный и благородный.

До времен Екатерины в России не было народных училищ. Усилия Петра в этом отношении не достигли своей цели. Все образование дворян среднего класса состояло в умении читать и писать. В провинции представителем учености был дьячок, умевший, при случае, блеснуть библейскою сентенцией, знавший «церковный устав», и не совсем чуждый понятия «о цифире». Карамзин тоже начал учение у подобного педагога.

Находясь в родительском доме, молодой Карамзин не мог получить основательного первоначального образования, не мог употребить времени своего детства на учение полезное. Но виною в том не он, не его родители, а тогдашний век. Зато все старание отца Карамзина было обращено на развитие нравственности сына. Впрочем, тогдашнее воспитание, при всех своих недостатках, имело и некоторые выгоды. Справедливо говорит о нем князь П. А. Вяземский в своем сочинении «Фонвизин»: «Тогдашнее воспитание, при всех своих недостатках, имело и хорошую сторону: ребенок доле оставался на русских руках, был окружен русскою атмосферою, в которой ранее знакомился с языком и обычаями русскими. Европейское воспитание, которое уже в возмужалом возрасте довершало воспитание домашнее, исправляло предрассудки, просвещало ум, но не искореняло первоначальных впечатлений, которые были преимущественно отечественные. Укажем на одно свидетельство: большая часть переписки государственных людей в царствование Екатерины велась на русском языке, несмотря на господство языка французского и иноплеменных нравов. После мы видим совершенно противное: первые звуки, первые понятия, которые передавали детям другого поколения, были исключительно иностранные, потому что ребенок от груди русской кормилицы был обыкновенно вверяем чужеземцам. Только позднее, в годах юношества, а часто и в возрасте, перезрелом для исправления вкоренившихся погрешностей, русский гражданин по собственному обратному влечению и как будто по уязвлению пробудившейся совести, обращался к изучению отечественного. Более домоседства в жизни родителей, более приверженности к исправлению частных обязанностей, к соблюдению обрядов русского православия, может быть, менее суетности, но в семейственном кругу более живого участия в делах общественных и, между тем, более независимости в нравах, способствовали тогда к некоторому практическому гражданскому воспитанию; оно имело свои недостатки, и весьма важные; но, как замечено выше, имело в себе что-то положительное, действовавшее в народном смысле».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.